собственной жизни как произведения искусства, произведения, которое находится в постоянном развитии. С ним я прославляю силу воли учеников, и именно благодаря ему я и попытался выработать способ, посредством которого мы, учителя, можем помочь ученикам обрести ее. Вместе с ним я утверждаю и верю в то, что мы все можем стремиться к педагогическому идеалу, который показал нам Сократ – хотя для нас, скажем честно, философов средней руки, это может быть и трудно. Что касается роли убеждения в обучении – оно, конечно, еще играет свою роль, но применять его стоит все же, когда ученик уже практически самостоятельно пришел к осознанию и пониманию той или иной идеи. Необходимо также отметить и роль диалектики: к примеру, при помощи нее учитель может помочь ученику охарактеризовать две конкурирующие идеи, два понятия так точно, чтобы во всей полноте и ясности представить для него объекты выбора. В завершение вышесказанного можно сказать, что педагогика Сократа, освобожденная от метафизических пут, продолжает оставаться полезной моделью. И в сочетании с педагогическим замыслом, который оставили нам Ницше и Хайдеггер, мы можем, наконец, приблизиться к пониманию того, как учить своих учеников «эстетике своего внутреннего “я”» *(aesthetics of the self)*.

Примечания

[1] Heidegger M. Being and Time, tr. J.Macquarrie and E.Robinson. N.Y., 1962.

[2] Nietzsche F. On the Genealogy of Morals, tr. W.Kaufmann and R.J. Hollingdale. N.Y., 1989.

[3] Heidegger M. ... – P. 158–159.

A teacher's gift of sacrifice: how can we give it?

The article is the remark to the article by Darryl M. De Marzio published in this journal. The peculiarity of teacher's work is connected with the pedagogic ideal stated by Socrates. Reconsideration of the ideal of care for pupils is possible in various directions.

Key words: *pedagogic work, pedagogic profession, teacher's gift, teacher's mission, care for self.*

(Статья поступила в редакцию 12.05.2015)

Д.В. ПОТЕПАЛОВ,
В.В. ЧЕРНЫШКОВ
(Екатеринбург)

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ В РОССИИ В 1920–1930-е гг.

Представлена актуальная проблема – спорные вопросы истории детской беспризорности в России в 1920–1930-е гг. Дан развернутый анализ советской, эмигрантской и постсоветской литературы о причинах детской беспризорности в период становления Советской власти. Утверждается важность взвешенного подхода к изучению преодоления массовой детской беспризорности в 1920–1930-е гг. Содержится авторская точка зрения на причины развития в СССР этого социального недуга.

Ключевые слова: *детская беспризорность, дети-сироты, детство, благотворительность, педагогика.*

В начале 1920-х гг. Россия переживала один из наиболее трагичных периодов своей истории. Разрушенная двумя войнами и интервенцией страна, где практически отсутствует производство, свирепствуют эпидемии, голод… В такое лихолетье более всего страдают слабые, незащищенные люди, а особенно – дети. Трудно сказать, сколько за эти годы от голода, холода и болезней умерло детей, но ясно, что счет шел если не на миллионы, то на сотни тысяч.

Еще одной категорией пострадавших были дети, оставшиеся по разным причинам без родительского и иного попечения. Волна детской беспризорности захлестнула Россию и другие советские республики. По оценкам современников, число таких детей в 1921–1922 гг. в России доходило до 7,5 млн, на Украине – до 2 млн [3, с. 30]. «Ни одна страна в мире не знала того, что в этом отношении пришлось пережить России. Голгофа, выпавшая на долю русского ребенка, ни с чем не сравнима, нигде не слыхана», – отмечала в те годы белоэмигрантская пресса [1, с. 5].

Гуманитарная катастрофа, грозящая если не вымиранием подрастающего поколения, то его физическим и моральным вырождением, сложные проблемы ее решения не могли не привлечь внимания. Уже в те годы, когда шла

© Потепалов Д.В., Чернышков В.В., 2015

борьба с массовой детской беспризорностью, общественность пыталась выяснить ее причины, искала пути выхода из кризисной ситуации. С тех пор и до нынешних времен, уже в течение почти столетия, не иссякает интерес исследователей к этой теме.

Научная и публицистическая литература по истории детства в Советской России и СССР огромна и делится на две части. Первая, многократно преобладающая, имеет во многом панегирический характер и написана советскими исследователями. В ней речь идет о тех трудностях, с которыми пришлось столкнуться новой власти в борьбе за спасение детей, ликвидацию детской беспризорности, об «огромной заботе Коммунистической партии и советского государства», о воспитании и образовании молодого поколения и достигнутых в этой сфере успехах. При всем догматизме публикаций и трудов советского периода следует отметить высокий уровень их качества (аргументированность, логичность, хороший стиль и др.). Другая часть – критическая. Своими корнями она уходит в послеоктябрьский период и представлена белоэмигрантской литературой (В.М. Зензинов, Е.Д. Кускова, А.В. Макленцов, С.С. Маслов, Б. Соколов и др.). В ней говорится о той трагедии, которую пережили дети России в годы гражданской войны и после ее окончания. Вся ответственность за смерть детей и перенесенные ими страдания возлагается на большевиков. В перестроечный и послеперестроечный период это направление пережило второе рождение и представлено в трудах исследователей так называемого либерально-демократического направления (А. Базаров, А.Ю. Рожков, Л. Жукова, Г. Ульянова, Е.Г. Слуцкий и др.). Источниковой базой этих работ поначалу являлась преимущественно белоэмигрантская литература. Хронологически эти исследования не выходили за пределы 1920–1930-х гг., а выводы, в основном, были идентичны выводам, сделанным представителями белой эмиграции.

В 1990-е гг. между этими направлениями шла напряженная дискуссия. В острой полемике с обеих сторон явно прослеживалось желание сфокусировать внимание только на позитивных или негативных сторонах проблемы. Отсюда тенденциозный подбор источникового материала. Таким образом, при достаточно хорошо известной фактической стороне вопроса делались противоположные выводы, а сама дискуссия носила не столько научный, сколько идеологический и политический характер. Образно говоря, гражданская война в умах продолжалась.

После развала СССР либерально-демократическое направление постепенно заняло доминирующее положение. Этому способствовали два обстоятельства. Первое – постоянные призывы к «новому освещению истории», «стиранию ее белых пятен», издание новых учебников (в том числе и при поддержке фонда Дж. Сороса). Второе – колоссальное расширение источниковой базы ввиду либерализации доступа к архивным материалам. Результатом стало появление новых работ по истории детской беспризорности, большей частью написанных на региональном материале.

Однако облегчение доступа к архивным источникам имело и обратную сторону. Известно, что в советское время доступ к архивам, особенно партийным, имели только люди подготовленные, поскольку работа с этими документами требует определенных знаний, умений и навыков. Все сделанные из архивных дел выписки проверялись и нередко вымарывались. Только после получения разрешения можно было ссылаться на архивные данные. Эти жесткие условия требовали от исследователей тщательной проверки случайно обнаруженных фактов и материалов, аккуратности, корректности, сбалансированности суждений и выводов, сделанных на их основе.

В новых условиях относительно свободного доступа к архивным фондам ситуация изменилась. Нередко в научных работах, а особенно в публицистике, отмечаются сенсационность, скоропалительность и поверхностность суждений, обобщения, сделанные на основе немногих или даже единичных фактов.

Опытные исследователи знают, что в фондах хранится масса материалов негативного, критического характера. Причем иногда эти документы даже превалируют над остальными. Так, в делах, где хранятся документы по борьбе с детской беспризорностью в 1920–1930-е гг., находится множество отчетов различных комиссий, проверяющих детские дома. Эти многочисленные разнообразные ведомственные и общественные комиссии, а также уполномоченные лица направлялись в детские учреждения для выявления имеющихся недостатков с целью их устранения. Поскольку состояние детских заведений и положение дел в них были в лучшем случае сносными, то эти отчеты оставляют очень тяжелое впечатление. В архивах хранится также очень много протоколов разнообразных собраний, совещаний, конференций, пленумов, съездов и т.д., обсуждавших вопросы борьбы с детской беспризорностью. В речах и выступлениях (особенно в 1920-е гг.) звучали также не бравур-

ные отчеты и победные реляции, а горькая критика состояния дел. И когда неискушенный в архивном деле исследователь окунается в море этого «негатива» («А мы этого не знали!», «От нас это скрывали!»), появляются работы по истории борьбы с детской беспризорностью, чем-то напоминающие фильмы ужасов со счастливым концом, где главный герой чудом остается в живых.

Одной из основных задач любого исторического исследования является изучение опыта предшествующих поколений. В данном случае, когда речь идет о массовой детской беспризорности в России и СССР в 1920–1930-е гг., целью должно быть не обнародование архивных «страшилок» для обличения большевиков и Советской власти, а скрупулезное выяснение всего того, что позволило преодолеть эту страшную беду, спасти миллионы детей и вырастить из них достойных граждан, хороших тружеников и героических защитников Родины. Необходимые условия для такого изучения есть. Источниковая база более чем достаточна. В предшествующие десятилетия была проделана огромная работа по изучению данной проблемы.

Острота дискуссий по многим вопросам, тем не менее, говорит о том, что интерес к истории детской беспризорности в России не ослабевает. Одним из наиболее спорных остается вопрос о том, что явилось причиной случившейся трагедии и кто несет за нее ответственность. С точки зрения советской исторической науки, виновниками произошедшего явился царизм, ввергший страну в пучину Первой мировой войны, доведший ее до революции, а также «белая» контрреволюция, развязавшая гражданскую войну, и военная интервенция 14 государств против Советской России. По мнению же русских политических, общественных и культурных деятелей, эмигрировавших или высланных из страны, первопричиной случившегося следует считать гибельный эксперимент большевиков по насаждению строя, не соответствовавшего экономическому и культурному состоянию страны. Е.Д. Кускова писала: «Конечно, всякие гражданские и империалистические войны родят беспризорных, – и взрослых, и детей. Но еще более губительно действует политика самого государства, не соответствующая нормальным условиям его развития. Так, разорение крестьянства, – его непосильные тяготы, – является постоянным источником выделения беспризорных детей, не имеющих возможности прокормиться около плодовитого, но нищего крестьянского двора. Так, разрушение ремесленного производства выбросило на улицу не только “хозяйчиков”, но и их учеников. А ведь известно, как много бездомных сирот поглощал класс ремесленников, игравших столь большую роль в обучении детей, в подготовке из них ценных для общества квалифицированных рабочих» [2, с. 127].

Представляется, что в этой полемике политическое неприятие мнения оппонента приводит обе стороны к ограничению научного кругозора, своеобразному зашориванию. Хорошо известно, что рост числа беспризорных детей начался задолго до прихода большевиков к власти. В годы мировой войны, когда до 50% трудоспособного мужского населения было вырвано из материального производства и призвано в армию, когда миллионы мужчин были убиты, искалечены, оказались в плену, началось разрушение крестьянского хозяйства, ремесленных и кустарных мастерских. Не от хорошей жизни народ в 1917 г. сначала смел царскую власть, а затем, видя упорное нежелание пришедших к управлению сил удовлетворить его требования, поддержал большевиков. Бедствия народа, а вместе с ним и детей, усилились в годы гражданской войны, ответственность за которую несут политические элиты всех противоборствующих сторон. Нельзя забывать и о военной интервенции, которая сопровождалась массовым грабежом населения и национального богатства страны. Едва ли эти факты подлежат сомнению. Сложно обвинить большевиков и в том, что в эти годы людей «косили» страшные эпидемии (тиф, чума, холера, «испанка» и др.), а в 1921 г. случилась сильнейшая засуха в основных зерновых районах, приведшая к страшному голоду, доходившему до людоедства.

С другой стороны, нельзя согласиться с позицией советских ученых, упорно не желавших признать факты негативных последствий политики «военного коммунизма». Введение продразверстки, пусть даже вынужденное, и полная национализация промышленного производства не могли не усугубить положение крестьян и ремесленников. Игнорирование этого факта идет от сложившейся еще в сталинские годы традиции во всем демонстрировать непогрешимость Коммунистической партии и ее руководителей.

Серьезным обвинением в адрес большевиков, выдвинутым в 1920-е гг. русскими эмигрантами и поддерживаемым современными сторонниками «критического» направления, является обвинение в разрушении благотворительной системы поддержки нуждающихся детей и сирот. Любопытно, что воду на

мельницу своих идейных и научных оппонентов лили сами исследователи советского периода, с гордостью повествуя о сломе царской и буржуазной государственной машины. В этой связи следует заметить, что упадок этой системы начался, опять же, до Октябрьской революции. Основные благотворители – фабриканты, заводчики, банкиры, купцы, помещики, титулованная знать – в условиях военной разрухи переводили свои капиталы в банки нейтральных стран, эмигрировали за границу. Общее обнищание населения, инфляция, дороговизна привели к резкому уменьшению финансовых возможностей благотворительных обществ. Это значительно увеличило и без того немалые материальные трудности содержавшихся за счет благотворительных фондов детских домов, приютов и т.д. Как известно, большая часть благотворительных учреждений принадлежала «Ведомству императрицы Марии». После свержения монархии Временное правительство нанесло ведомству сильнейший удар. Ликвидируя все бывшие царские органы власти и благотворительные общества, оно передало детские учреждения ведомства Министерству общественного призрения, деятельность которого заключалась чаще в принятии бумажных проектов, нежели в реальной помощи. Это еще более усугубило ситуацию. Таким образом, несмотря на негативное отношение большевиков к благотворительности и даже полное ее неприятие, сомнительная заслуга большевиков в деле ликвидации благотворительности едва ли является фактом. Они лишь завершили идущий распад благотворительной системы, оформив его официально [4, с. 24–26].

Рассматривая благотворительность как элемент буржуазного общества и социального неравенства людей, новая власть всячески противодействовала образованию в социалистическом государстве благотворительных учреждений. Так, с целью помочь детям-сиротам осенью 1918 г. в Полтаве группой интеллигентов была организована «Лига спасения детей» под руководством В.Г. Короленко, который стал ее почетным членом. В состав Лиги входили Е.Д. Кускова, Н.М. Кишкин, Л.А. Тарасевич, Е. Пешкова и др. Поначалу Лига была вполне легальной организацией, утвержденной Совнаркомом. Однако ее связи с зарубежными благотворительными организациями стали вызывать подозрение. Когда в марте 1919 г. Лига обратилась в Совнарком с просьбой послать за границу делегацию для закупки товаров для детей, Ф.Э. Дзержинский на запрос В.И. Ленина ответил, что считает такую поездку вредной, т. к. в составе делегации нет ни одного «признающего честно советскую власть». В результате поездка не состоялась.

Несмотря на трудности в работе, Лига создала 14 детских колоний, детский санаторий в Москве, несколько детских садов и клубов. Детские учреждения Лиги обычно занимали небольшие квартиры из 2–3 комнат и принимали не более 25–30 детей, как правило, одного возраста. За все время существования Лига сумела оказать помощь 7 тыс. детей.

Свободный и независимый характер Лиги, ее неподконтрольность вызывали все большее недовольство властей. Под первым же благовидным предлогом в 1920 г. Народный комиссариат продовольствия национализировал почти все запасы продовольствия Лиги, полученные из российского, американского и датского отделений Красного Креста. К началу января 1921 г. все детские учреждения «Лиги спасения детей» были переданы в распоряжение Московского отдела народного образования. Такая же судьба постигла в сентябре 1921 г. и созданный интеллигенцией по инициативе В.Г. Короленко Комитет помощи голодающим [4, с. 26].

Эти и другие подобные действия большевиков никаких чувств, кроме осуждения, вызвать не могут. Ясно видно, что их классовые интересы явно преобладали над гуманистическими. Вместе с тем не следует переоценивать возможностей филантропической деятельности. Решить грандиозную задачу спасения миллионов детей было по силам только государству. Нельзя забывать также, что к работе была привлечена вся масса общественности (профсоюзы, комсомол, женотделы, комитеты крестьянской общественной взаимопомощи, общество «Друг детей», Детский фонд им. В.И. Ленина и др.), что, по сути, являлось той же самой благотворительностью.

Еще одним дискуссионным вопросом является качественный состав отечественных педагогов, оказавшихся в эмиграции и оставшихся в Советской России. При всей деликатности высказываний оппонирующих сторон по данной проблеме, в них явно прослеживаются два направления. Советские авторы считают, что по окончании гражданской войны в стране остались лучшие, преданные своему делу и народу педагоги-патриоты. Эмигрировали те, кто испугался трудностей, мог только теоретизировать и был неспособен к реальной, практической работе. Жалеть о таких едва ли

стоит. Второе направление (подчеркиваемое сторонниками «критического» направления) – осторожные высказывания в эмигрантской литературе о том, что лучшие специалисты, видя, к чему ведут страну большевики, вынужденно эмигрировали, другие, не признававшие советскую власть, но желавшие помочь детям, были депортированы.

Со столь категоричными суждениями трудно согласиться. Среди эмигрантов, наряду с общественно признанными, выдающимися педагогами, было немало ретроградов и реакционеров, душивших передовую педагогическую мысль и препятствовавших внедрению в жизнь новых идей. Среди оставшихся в Советской России также были разные по своим идейным взглядам и квалификации специалисты. Было немало высококвалифицированных педагогов, имевших большой опыт, самоотверженно, в тяжелейших условиях, выполнявших свой профессиональный и гражданский долг по спасению детей. Это отмечалось даже в эмигрантской среде. Так, в 1922 г. высланная из Советской России Е.Д. Кускова вступила в спор с Питиримом Сорокиным, приехавшим из России и выступившим с беспощадной критикой советской педагогической системы. Она писала: «Да, грязь, воровство, голод, необразованность персонала, но есть и превосходно поставленные детские дома, руководимые такими опытными советскими педагогами, как М.Х. Свинцицкая, или приют для дефективных детей Кащенко и мн. др.» [2].

Причины, по которым значительная часть педагогов осталась в Советской России, были разные. Часть педагогов, преимущественно сельские и провинциальные учителя, даже не помышляла об эмиграции, другие по разным причинам не могли этого сделать. Но было среди оставшихся немало тех, кто сделал свой выбор осмысленно, воодушевившись открывающимися при новой власти возможностями. Не секрет, что в царской России, с ее неповоротливым и реакционным бюрократическим механизмом государственной машины, продвижение в жизнь новаторских идей было делом чрезвычайно трудным. На выбор этих людей подействовали определенный революционный романтизм, надежды осуществить давно вынашиваемые идеи. Испытывая и при Советской власти немалые трудности, эти педагоги получили возможность для творчества, поиска, реализации задуманного. Именно в советские годы стали широко известны и получили впоследствии мировое признание такие педагоги, как П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, А.С. Макаренко, В.Н. Сорока-Росинский и др. Вместе с тем нельзя не признать, что Октябрьская революция и гражданская война наложили тяжелый отпечаток на педагогическую систему страны, на все дело образования и воспитания детей. Педагогические кадры страны, и до того весьма немногочисленные, были в значительной степени обескровлены [4, с. 27–28].

Этот далеко не полный перечень дискуссионных вопросов демонстрирует необходимость дальнейшего изучения историко-педагогических проблем детства, образования и воспитания в России.

Список литературы

1. Зензинов В. Беспризорные. Париж: Совр. записки, 1929.

2. Кускова Е.Д. Беспризорная Русь // Сов. педагогика. 1990. № 10. С. 122–131.

3. Люблинский П.И. Охрана детства и борьба с беспризорностью за 10 лет // Право и жизнь. 1927. Кн. 8. С. 28–32.

4. Потепалов Д.В. Детская беспризорность в первые годы Советской власти: историограф. очерк // Гуманизация образования. 2012. № 1. С. 23–29.

* * *

1. Zenzinov V. Besprizornye. Parizh: Sovr. zapiski, 1929.

2. Kuskova E.D. Besprizornaja Rus' // Sov. pedagogika. 1990. № 10. S. 122–131.

3. Ljublinskij P.I. Ohrana detstva i bor'ba s besprizornost'ju za 10 let // Pravo i zhizn'. 1927. Kn. 8. S. 28–32.

4. Potepalov D.V. Detskaja besprizornost' v pervye gody Sovetskoj vlasti: istoriograf. ocherk // Gumanizacija obrazovanija. 2012. № 1. 127. S. 23–29.

Debatable questions of history of children's homelessness in Russia in the 1920–1930s

There is covered the urgent issue – debatable questions of history of children's homelessness in Russia in the 1920-1930s. There is thoroughly analyzed the Soviet, emigrant and post-Soviet literature regarding the reasons for children's homelessness in the period of establishment of the Soviet government. There is stated the importance of the balanced approach to study of overcoming of the mass children's homelessness in the 1920-1930s. There is described the author's view on the reasons for development of this social problem in the USSR.

Key words: *children's homelessness, orphans, childhood, charity, pedagogy.*

(Статья поступила в редакцию 4.02.2015)